

Стихи Славы Ананьева

Журавлиная песня

Утро выстрелом было разбужено.
Неохотно проснулась заря.
За кустами зеленого кружева
Кто-то взял и убил журавля.

Он упал головою к рассвету
С непонятным укором вдаль.
Лишь на миг он увидел конвертом
Журавлиный косяк улетал.

На рассвете, едва различимый,
На травинках кровавый узор,
По какой же нелепой причине
Не видать ему милых озер?

И никто не вспомнит о птице,
Далеко улетят журавли,
Где печальный восток золотится
На краю удаленной земли.

Только осень одна и заплачет
Затяжными слезами дождей
За ошибки, за все неудачи,
За поступки жестоких людей.

Михайловская слобода, 1960 г.

* * *

Толи во сне, толь наяву
Слышу протяжное ветра фиу-у-у...
Там за окном на груди февраля
Змейно дымят снеговые поля.

Выйду ль в деревню – деревня спит:
Тополь-старик одиноко скрипит.
В машущих ветках дерутся ветра
Зимнее завтра колотит вчера.

Прячется ворон, Темень и глушь...
Месяц до солнца, до мартовских луж.
Месяц зимы – до грачиного кра-а-а...
Сельская тишь, захолустье, дыра.

* * *

Эх, любовь однобокая,
Как сосна.
Твои волосы трогаю
Я средь сна.
Ты глядишь за туманами
Прошлых вьюг,
Поцелуи на память все
Отдаю.

Береги или выкинь их –
Выбор твой.
О пропавших обиженных
Осень спой.
Зазвени колокольцами
Ранних стуж.
О романах законченных
С болью душ.

1969 г.

* * *

Синие и карие
У девчат глаза,
С трех сторон Лыткарино
Обошли леса.

А с четвертой солнечной,
Глянешь свысока –
Голубыми волнами
Катится река.

За рекой испарина
Лес и поле вдрож,
Я не из Лыткарино –
Ну и что ж.

На рыбалке

Деревенский край мой,
Ветлы да дворы,
Водой неиссякаемой
Ключи из-под горы.

Бегут путями донными,
Вольются в тихий пруд
И кудрями студеными
В большой воде замрут.

Весенний ветер ласковый
Садов доносит мед,
Шофер лицо споласкивать
К воде с горы идет.

Живым веселым инеем
Трепещется родник,
Луна прохладу синюю
Мне льет за воротник.

Пора, неверно, сматывать,
Темно, рыбалка вся;
Поблескивают матово
Три крупных карася.

Удача не в характере,
Улов, конечно, мал.
Отдам всю рыбу матери
И спать на сеновал.

* * *

Намело по пояс снегу,
Намело.
Ветер прыгает с разбегу
На село.

Не пойму, чего он хочет
В синей мгле.
И смеется и хохочет,
Рад зиме.

Рад и я с ним до щекоток
Сдува с крыш.
Словно я как прежде отрок,
Ждущий лык.

Только зимы мои в прошлом,
Будто сны.
Я гляжу на малышей
Со стороны.

Тот, кто больше всех измазан,
Вроде я.
Перепутались все фазы
Жития.

1970 г.

* * *

И надежды рухнула скала.

Жуткий

ледяной

неукращенный

Из твоих родных любимых глаз

Вырвался какой-то вихорь черный

И швырнул меня в глухую ночь.

В ту стану, где нет ни дна ни края,

Где пылят ненужные пути...

Господи, зачем любовь такая

Поселилась у меня в груди!

Звездочки, звездочки, звездочки.

Чтобы вас слопал черт.

Что вы рассыпались верстами

И потеряли свой счет.

Хватит чертить вам полосы,

Шар осыпать земной.

Вы закатитесь в волосы

Раннею сединой.

Дворничиха Ива

Дворничиха Ива грустно выметает

Светлые минуты прожитого дня.

Старая беседка, хмелем завитая,

В тишину раздумья позвала меня.

Солнышко на ветке опустилось низко,

Где-то замер шелест в золоте садов.

Красными губами землю ест редиска,

На стручках гороха шапочки шутов.

Ухожу в глубь сада, где шиповник дикий
Издавна клубится в розовый дымок.
Там в глубокой дреме, я насколько помню,
Решето калитки стережет замок.

Чья рука закрыла,
Сколько зим провыло?
Ни один волшебник не найдет ключей.
Ржавый и незрячий, с верностью собачей
Охраняет тайну тех глухих ночей.

Плавают беседка островом покоя.
Только я нарушил, только я проник:
На столе меж досок тонкою строкою
Пишет мох зеленый старины дневник.

О закатах прежних, о свиданьях нежных
И о том, что много утекло воды...
Пишет мох-историк
А ему на столик
Яблони бросают новые листья.

1969 г.

* * *

Так как вечер уводит дорогу
И как буря уносит баркас,
Уведу я свою недотрогу
От нескромных прищуренных глаз.

Увлеку по прохладному парку,
К своему прижимая плечу,
Научу целоваться дикарку
И стихи сочинять научу.

Мы пойдем и пойдем через версты,
Где в обнимку рассвет с тишиной;
В ранний час под погасшие звезды
Ты мне станешь любимой женой.

Нас распишет знакомая зорька,
Мудрый дятел поставит печать.
И березки кудрявые «горько!»
Будут нам то и дело кричать.

Синеглазая просека щедро
Угостит нас малиной с куста,
А кукушка из сказки священной
Пожелает нам жить лет до ста.

1970 г.

* * *

Просто хочется взять и напиться,
Не жалея, что будет потом.
Счастье я собирал по крупицам,
А выбрасывать стал решетом.

Не моя это плещется свадьба.
И печаль и тоска внепродых.
По крапиве к знакомой усадьбе
Я крадусь поглядеть молодых.

Из окна валят музыки клубы...
Как сравнить их с моей тишиной?
Горько ль, сладко ль целуются губы,
Те, что здесь целовались мо мной.

И не в этой угарной шумихе
Ты сидела, а в шорохе трав,
Был тот вечер задумчиво тихий,
Мы дремали друг друга обняв.

Ах, какое скрещение молний!
Ах, судьбы вихревой катаклизм!
Пожелал я им счастья молча
Через окна стеклянных призм.

Что ж, теперь ни к чему торопиться
Ухожу, горько плюнув на дом,
Где любовь собирал по крупицам,
Где потом высыпал решетом.

1963 г.

Русалка

С грибами стою на опушке.
Над лесом алеет небо.
В синие глаза подружки
Поглядеться мне бы.

Связали б шалаш для ночлега,
А утром встречали солнце;
Но нет моего человека,
Молчат безответные сосны.

Но чье там зеленое платье?!
Я верю себе и не верю...
В глазах васильковое пламя
И очень похожа на Фею.

Стоит у широкого дуба
И машет пушистым платком,
Зовут земляничные губы:
Иди же, не будь дураком.

Твои все букеты в округе,
Твое серебро соловья.
Не зря ты мечтал о подруге,
Призыв твой услышала я.

Дарю тебе тайные клады,
Что скрыты от глаз егерей,
Русалочью только прохладу
Ты сердцем своим отогрей.

Нас ждут поцелуи в полянах,
Как солнце зайдет за леса.
И мир тогда станет стеклянным
Раскроет свои чудеса.

Могу отгадать по лицу я
Порыв твой, как ветер кипуч,
Ну что ж,
и мои поцелуи
Нежнее, чем солнечный луч.

Шумели таинственно ели
Последним лучом золотым.
Мы с ней постояли и сели
На белый фиалковый дым.

Хотелось запеть и заплакать,
Я гибкую руку беру...
Какой неотесанный парень
С тобой повстречался в бору.

В преддверии зимы

Гонит ветер над ожухлым лугом
Листовую огненную рать.
Смотрит галка на ветер с испугом:
Червяка ей братъ или не братъ?

До озноба выдрогли овины
И дожди слизали синеву,
К ночи за какую-то провинность
Мокрый снег сечет вдову-траву.

Ворвалась зима наполовину
И грозит, мол, скоро все скручу!
Отдала озябшая рябина
Ягоды последнему грачу.

Стал мой край бесцветен и неласков,
Как больной и сгорбился, и сник:
Расшвырялся глиняной замазкой
На откосах ветер-озорник.

Лета дни просеялись сквозь пальцы,
Уложились все в короткий сон.
Ссорится с действительностью память
И не верит, что прошел сезон.

1970 г.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте,
подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).